

Litera

Правильная ссылка на статью:

Франчук О.В., Деревскова Е.Н., Подгорская А.В. Представления о строении небесного свода в картине мира православного христианина X–XVII вв. (на материале канонических и апокрифических текстов) // Litera. 2025. № 2. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.2.73149 EDN: HNHOKK URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73149

Представления о строении небесного свода в картине мира православного христианина X–XVII вв. (на материале канонических и апокрифических текстов)

Франчук Оксана Валерьевна

ORCID: 0000-0002-7645-0177

кандидат филологических наук

доцент; кафедра русского языка, общего языкознания и массовой коммуникации; Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова

455000, Россия, Челябинская область, г. Магнитогорск, пр-т Ленина, 26, оф. 206

✉ oxana.franchuk@mail.ru

Деревскова Елена Николаевна

ORCID: 0000-0001-5746-4656

кандидат филологических наук

доцент; кафедра русского языка, общего языкознания и массовой коммуникации; Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова

455000, Россия, Челябинская область, г. Магнитогорск, пр-т Ленина, 26, оф. 206

✉ august1667@mail.ru

Подгорская Анна Вячеславовна

ORCID: 0009-0000-4449-6691

кандидат филологических наук

доцент; кафедра русского языка, общего языкознания и массовой коммуникации; Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова

455000, Россия, Челябинская область, г. Магнитогорск, пр-т Ленина, 26, оф. 206

✉ podgorsky_a@mail.ru

[Статья из рубрики "Архаизм"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.2.73149

EDN:

HNHOKK

Дата направления статьи в редакцию:

26-01-2025

Дата публикации:

10-02-2025

Аннотация: В статье анализируется фрагмент религиозной картины мира восточных и южных славян, связанный с восприятием небесного пространства. Исследование проводилось на материале канонических библейских текстов и популярных в Древней Руси X-XVII вв. произведений, содержащих сведения о мироустройстве (Севериан Габальский «Шесть речей о мироздании / Шестоднев»; Иоанн Дамаскин «Богословие»; «Палей Толковая»). Изучение поля вербализаторов концепта «Небо» в текстах Священного Писания позволило выявить наличие нескольких значений существительного «небо». Библейские тексты содержат упоминания о составляющих небесного свода: тверди небесной, созданной во второй день Творения, и духовного невидимого неба – места присутствия Бога. Однако анализ исключительно классических библейских текстов и их комментариев не дал возможности выстроить структуру концепта «Небо» в христианской картине мира. По сей день спорными являются трактовки семантики и этимологии наименования «твердь» для обозначения небесного свода. В неканонических христианских текстах представления о неоднородности надземного пространства конкретизируются и иллюстрируются понятными для читателя примерами. Небо трактуется как плоскость, существующая параллельно земной поверхности; как купол, опирающийся на землю; как сфера, не имеющая опоры и удерживаемая только силой божественного замысла. Дифференциация неба на «сущее, видимое» и «небо небеси, превышнее небо» дополняется понятием границы, отделяющей материальный мир от высшего идеального мира. Перекрытие ассоциировалось с массами воды, превратившимися в лёд и похожими на хрусталь. Вербализаторами данных представлений выступали языковые единицы «твердь», «твердь небесная», «сгущение ледно». Следовательно, в древнерусской картине мира X-XVII вв., первый уровень неба мог выступать той самой «твёрдой» границей, которая отделяла материальный мир от высшего идеального мира. Научная новизна исследования определяется попыткой воссоздания концепта «Небо» в картине мира православного христианина X-XVII вв.

Ключевые слова:

картина мира, религиозная картина мира, строение небесного свода, концепт Небо, твердь небесная, небо видимое, небо небес, небо превышнее, Священное Писание, неканонические тексты

В современной лингвистике появились новые тенденции изучения концептуальных структур и выделения разных типов концептов. Одним из ментальных образований, характерных как для наивной, так и для религиозной картин мира, являются представления об устройстве мира и о месте человека в глобальной структуре Вселенной.

Русская модель мироустройства существенно изменялась в разные исторические

периоды. Доступные современной науке древнейшие письменные памятники не позволяют полностью воссоздать исконную славянскую космологию дохристианского периода. Возможно лишь частично реконструировать её на основе вторичных письменных, фольклорных и вещественных источников. После Крещения Руси представления славян о строении Вселенной были теснейшим образом связаны с христианским учением о сотворении мира и христианскими воззрениями о существовании Мира Земного и Мира Небесного. Однако истории о происхождении мира излагались в тех книгах Ветхого Завета, которые, по мнению учёных, не входили в число текстов, переведённых на старославянский язык в IX–XI вв. Первые переводы всех книг ветхозаветного канона были сделаны только в XV в., а полный Синодальный перевод текстов Священного Писания был выполнен в XVIII в. Можно предположить, что знакомство с христианской космологией осуществлялось в школах, открытых при храмах и монастырях после принятия нового вероучения. Возможно, предания о строении Вселенной приносили из дальних земель путешественники и паломники: рассказы о мироустройстве могли быть частью духовных стихов и былин, исполняемых странниками и каликами перехожими. Кроме того, после принятия христианства на Русской земле стали появляться не только канонические христианские тексты. Древнерусским книжникам были известны и апокрифические произведения, материалы по астрологии, гаданиям и медицине. Несмотря на запреты этих книг Православной церковью, в Древней Руси развивались сокровенные мысли о космосе и месте человека в нём. Объектом нашего исследования стали языковые единицы, репрезентирующие представления славян о строении небесного свода. Материалом для анализа послужили канонические христианские тексты (книги Ветхого Завета и Нового Завета), памятники старославянского языка с текстами Евангелий, а также неканонические тексты, отражающие космологические представления X–XVII вв.

Охарактеризуем репрезентацию концепта «Небо» в текстах Священного Писания. Для восстановления фрагмента религиозной картины мира средневекового славянина необходимо в первую очередь обратиться к каноническим библейским текстам и определить специфику использования в них языковых единиц, репрезентирующих концепт «Небо».

Имя концепта – существительное **небо** употребляется в текстах Священного Писания в нескольких значениях. Во-первых, **небом** названа верхняя часть Вселенной, видимое воздушное пространство над горизонтом. Данное значение отражено в словарях, составленных на материале древнейших славянских памятников [1, с. 944]; [2, с. 359]. Примером подобного восприятия лексемы **небо** служат строки одной из глав Второзакония «Все народы под всем небом» (Втор. IV:19), которые могут истолковываться как *'все народы под одним небом'* или *'все народы на земле'*. То же понимание существительного **небо** зафиксировано в Супрасльской рукописи: *яко кротъкъ бѣше паче всѣхъ чловѣкъ. ниже подъ небесемъ* [3, с. 545].

Во-вторых, **небом** в библейских текстах именуется и воздушная сфера, в пределах которой располагаются Солнце, Луна, звёзды и другие небесные тела. Такие представления о семантике существительного **небо** нашли отражение в книгах Нового Завета и были зафиксированы в старославянских письменных памятниках: *слънце мръкнетъ. и луна не дастъ свѣта своего. і звѣзды съпадутъ с нѣсе* (Матф 24:29) [4, с. 235].

В Библии **небом** может называться и невидимый, невещественный мир – святое место,

где присутствуют Бог и ангелы: «Тогда услышь с неба, с места обитания Твоего, молитву и прошение их и сделай, что потребно для них» (3-я Царств. 8:49); «Отьче наш иже еси на небесьхъ» (Матф. 6:9; Лк. 11:2).

Следует отметить, что для обозначения небесного свода в книгах Ветхого Завета и Нового Завета используются существительные **завеса** (Книга Иова 38:17), **полог** (Книга пророка Исаии 40:22), **свиток** (Откровение Иоанна Богослова 6:14) или устойчивое словосочетание **сосуды неба** (Книга Иова 38:37). Такое восприятие воздушной сферы отражает плоскостно-комарную концепцию мироустройства, согласно которой Вселенная состоит из плоской обитаемой суши, заселённой живыми существами, и атмосферы в виде свода или тонкой ткани, распростертой над сушей: «Он распростер **небеса**, как тонкую ткань, и раскинул их, как шатер для жилья» (Книга пророка Исаии 40:22); «Я – Мои руки распростерли **небеса**» (Книга пророка Исаии 45:12).

Согласно представлениям древних, небосвод имел форму купола или шатра и представлял собой некую плотную субстанцию. В Псалме Давида о Бытии сказано: «Одеваешься Ты светом, словно ризою, простираешь **небо**, как шатер кожаный» (Псалтирь 103:2). В Книге Иова говорится: «Ты ли с Ним распростер **небеса**, твердые, как литое зеркало?» (Иов 37:18).

Возможно, данные представления отразились в обозначении небесного свода существительным **твердь** в текстах Священного писания. О втором дне сотворения мира читаем следующее: «И сказал Бог: да будет **твердь** посреди воды, и да отделяет она воду от воды. И стало так. И создал Бог **твердь**; и отделил воду, которая **под твердью**, от воды, которая **над твердью**. И стало так. И назвал Бог **твердь** **небом**. И увидел Бог, что это хорошо» (Бытие 1:6-8).

В Полном словаре церковно-славянского языка указано, что **твердью** называется видимое пространство небесного свода, содержащее звёзды и «образовавшееся между различными шарами или телами во второй день творения» [5, с. 710]. Происхождение данного наименования Блаженный Феодорит объясняет консистенцией небесного свода или его плотным и стабильным состоянием «ибо оно составилось из жидкого существа вод, которое сгустилось и сделалось твёрдым» [5, с. 711].

По мнению современных толкователей Ветхого Завета, употребление лексемы **твердь** в данном контексте связано с особенностями Синодального перевода ветхозаветных книг с греческого и еврейского языков. Протоиерей А. Сорокин отмечает, что в исконном варианте указанные стихи первой главы Бытия содержали еврейское слово **ракиа**, которое буквально переводилось как 'купол', 'небосвод' или 'пространство'. «В греческом переводе появляется слово **стереома** со значением 'твердыня, крепость, опора'. Как видим, здесь присутствует момент твёрдости, надежности, какой-то фиксированности. Ведь в самом деле небосклон над нами представляется чем-то твёрдым, фиксированным, как потолок» [6].

Иерей Р. Посыпкин отмечает, что лексема **твердь**, функционирующая в библейском контексте в значении 'небо, космос', представляет собой метафору: «Твердью Бог называет космос потому, что, по сравнению с «ничем», которое было до начала творения, он (твердь, небо, космос) материален, то есть сотворён» [7].

Сложности с восприятием неба как тверди, объясняются тем фактом, что система концептов, отражающих догматы христианского вероучения, была заимствована русской культурой как единая целостная структура. Исследователь русского православного

дискурса Л. Н. Чурилина справедливо отмечает: «В задачи переводчика Священного Писания входило следование Истине, или адекватность концептосферы, а не адаптация к новой языковой системе и, что гораздо важнее, к исконному для носителей этого языка мировосприятию» [\[8, с. 380\]](#). При переводе с одного языка на другой наиболее сложным элементом текста выступают метафоры. Текст Священного Писания демонстрирует «высокую степень свободы от языка – он буквально пронизан метафорой, а потому не приемлет буквального прочтения» [\[9, с. 177\]](#). В связи с этим, выявление смысла данной метафоры требует привлечения специальных источников, содержащих как толкование самих библейских текстов, так и дополнительные сведения по истокам христианской космологии.

Несмотря на существование спорных трактовок семантики и этимологии наименования **твердь** для обозначения небесного свода, мы можем констатировать тот факт, что эта метафора была хорошо известна православным христианам и входила в поле вербализаторов концепта «Небо». Подтверждением служит фиксация устойчивого словесного комплекса **твердь небесная** / **тврѣдь (тврѣдьль) небесная** и словарями старославянского языка [\[2, с. 693\]](#); [\[10, с. 936\]](#); [\[11, с. 445\]](#); [\[12, с. 326\]](#), и словарями русского языка XIX–нач. XXI вв. [\[13, с. 394\]](#); [\[14, с. 662\]](#); [\[15, с. 535\]](#); [\[16, с. 488\]](#).

Для некоторых древних космологических мифов характерно представление о том, что существует несколько уровней небесного свода. Возможно, отголосками этих воззрений можно считать наличие формы множественного числа у существительного **небо**. В мифах и легендах народов мира речь идёт разном количестве небес (о трёх, семи, восьми или десяти).

Христианские учёные-богословы по сей день ведут споры о том, существует ли в библейских текстах упоминание о неоднородности небосвода и существовании в нём нескольких ярусов или ступеней. В классических библейских текстах не проводится чёткой дифференциации небесного пространства. Однако в творениях Отцов Церкви можно обнаружить высказывания о необходимости разграничения представлений о небе как идеальном Божественном мире и тверди небесной: «Там, на высоте небесной находится святое особое место вездеприсутствия Божия; там престол Его, там Он ходит по небесному кругу» (Книга Иова 22:14) [\[17\]](#). Следовательно, библейский текст позволяет констатировать наличие двух уровней или ярусов небесного свода. Один из них доступен человеческому взгляду, материален и похож на плотную крышу или купол. Второй уровень – духовное невидимое небо, непостижимое для человека.

Из этого следует, что в Ветхом Завете при описании второго дня сотворения мира речь идёт именно о низшем уровне небосвода (тверди небесной), а также о появлении на нём звёзд и светил на четвёртый день творения: «И сказал Бог: да будут светила **на тверди небесной** для отделения дня от ночи, и для знамений, и времен, и дней, и годов. И создал Бог два светила великие: светило большее, для управления днем, и светило меньшее, для управления ночью, и звезды. И поставил их Бог **на тверди небесной**, чтобы светить на землю» (Бытие 1:14-18).

Верхнее небо служит местом пребывания Бога и в христианской традиции именуется **Цѣсарьство (Цѣсарьствѣ) небесноу (небесьскоу), Цѣсарьство (Цѣсарьствѣ) Божь** [\[12, с. 354\]](#). С

представлениями о небесной обители Бога связана идея христианского рая, куда после смерти попадают люди, ведущие праведный образ жизни. Словари старославянского языка фиксируют устойчивые словесные комплексы для обозначения обитателей

высшего неба: **ангели небеснии, ангели божии, ангели господьни, ангели св#тии** 'бестелесные духовные существа, созданные Богом до сотворения видимого мира и человека', 'совершенные духовные создания, находящиеся на службе у Бога' [18, с. 43-47]; **вое (вои) небеснии (небесции)** 'небесные воины, солдаты Бога в небесном царстве' [19, с. 86], **небесное воинство** 'ангелы, армия небесного царства' [1, с. 942], **силы небесные** 'силы небесные, ангелы' [1, с. 942].

В богословских сочинениях можно встретить идею о существовании третьего уровня небесного свода. Сторонники этой версии ссылаются на Послание апостола Павла: «Знаю человека во Христе, который назад тому четырнадцать лет (в теле ли – не знаю, вне ли тела – не знаю: Бог знает) восхищен был до третьего неба» (Второе послание коринфянам XII:2). Однако современные толкователи Священного Писания утверждают: «Апостол Павел не говорит, что существует три неба или три уровня небес. Во многих древних культурах люди использовали термин «небеса» для описания трёх различных «сфер» – неба, открытого космоса и духовных небес. Павел говорил, что Бог взял его на «Божественные» небеса, сферу обитания Бога» [20].

Следует признать, что ни классические библейские тексты, ни труды Отцов Церкви не дают однозначного ответа на вопрос о строении небесного свода и существовании одного или нескольких уровней небесной сферы.

Охарактеризуем, каким образом представления о небесных сферах отражались в неканонических текстах. На формирование картины мира православного христианина оказывали влияние не только канонические библейские тексты. Большую популярность на Руси имели апокрифы, которые удовлетворяли различным духовным запросам. Первые тексты апокрифических книг были переводами с греческого языка, но доказательством популярности апокрифов на Русской земле является проникновение апокрифических сюжетов в старообрядческую литературу, в народный духовный стих, а также включение некоторых апокрифических текстов в состав древнерусских летописных сводов и богослужебных сборников наряду с житиями христианских святых. Исследователи апокрифических текстов отмечают, что большинство апокрифов не противоречили канону, но по некоторым вопросам давали иные, отличные от ортодоксальной точки зрения трактовки. Поэтому «переводные древнерусские апокрифы могут служить основой для изучения народного миропонимания, а также для наблюдений за «обрусением» христианства, его приспособлением к местным, чисто русским условиям» [21, с. 8].

Многие списки апокрифов получили распространение в народной среде по причине того, что в них можно было найти простые и понятные ответы на вопросы, обойденные Священным Писанием, но интересующие православных христиан. Возможно, одним из таких важных для понимания вопросов и было существование одной или нескольких ступеней небесного пространства.

Уже в первых переводных апокрифах можно обнаружить сведения о строении мира, структуре небесного свода, разных уровнях небес и их обитателях.

Одним из апокрифических текстов, содержащих космологические воззрения, были «Шесть речей о мироздании», известные на Руси под названием «Шестоднев / Шестодневник» и принадлежавшие перу сирийского богослова, проповедника, епископа города Габалы Севериана. Севериан Габальский жил в к. IV–нач. V вв. н.э и входил в ближайшее окружение Иоанна Златоуста. Первые отрывки «Шестоднева» появились на

Руси в переводе Иоанна экзарха Болгарского в XII в., а полные варианты памятника датируются XV–XVI вв. На сегодняшний день известно более 50 списков текста Севериана, а также множество выписок и компиляций, свидетельствующих о большом значении изложенных в нём идей для древнерусской книжности.

В Слове первом «Шести речей о мироздании» автор даёт пояснения по поводу сотворения мира, а также говорит о появлении неба и небесной тверди:

Въ пръвыи днь створи бгъ веществiа тваре^м. iакъ^ж ѿбѣу чтѣ глѣ^а. нѣ^м не сжще^е. не сiе же видимѣ^е. но прѣвышнее^е. нѣ^м сiе ви^мое втѣрыи днь створено бы^с. створи ѿбѣу бгъ нѣ^м прѣвышнее^е. iакъ^ж двѣ^а глѣ^а. нѣ^м нѣси г^иви прѣвыше^ж сегѣ^е

[22, с. 96].

Севериан Габальский предлагает читателю понятный наглядный образ: он сравнивает Вселенную с домом или постройкой, у которой есть два верхних перекрытия – потолок и крыша. Высшее небо (**прѣвышнее небо, небо небеси**) было создано в первый день творения и располагалось выше всего. На второй день Бог создал подобное перекрытию в середине пространства нижнее небо (**видимое**), над которым разместил воды. Видимое небо состояло из охлаждённых вод и представляло собой **сгущенiе ледно**.

Именно **сущее небо, не горнее, но видимое небо** в библейской традиции именуется **твердь**. Автор «Шести речей о мироздании» приводит собственную этимологию данного наименования:

чсѣ ра^а нариче^т є тврѣ^а. поне^ж ѿ текѣщихъ вѣ^а ѡтвердѣ є

[22, с. 98]. О твёрдом предмете никогда не говорят «утвердился» или «отвердел»:

ѿбо глѣ^а сѣ^а текѣщее и слабо с^игустѣ^е. а т^врѣдое є^е. еже пѣ^е стѣ^е не ѡумакченное и тв^врѣдо

[22, с. 103].

По мнению епископа Габальского, разлитые по тверди воды были призваны защищать ледовую твердь от жара небесных светил:

ледено^е нѣ^м ѿ вѣ^а сгѣстѣвшисѣ^а. и поне^ж хотѣ^а преематѣ^а. сѣ^ичнын пламе^е. лѣ^инын и звѣзднын и бещислѣ^и мнѣ^а. и хотѣ^а весь ѡгне^а испо^иненъ быти. заеже не растаати^с ем^и ѿ горѣщины. или попа^илитисѣ^а

[22, с. 99].

Ещё одним предназначением вод, расположенных над ледяной твердь, было отражение солнечных лучей и света других небесных тел для освещения земной поверхности:

не тѣ^м бо сѣ^июдаю^т нѣ^м. но и пламе^е сѣ^ичнын и лѣ^инын двѣ^а спѣ^ищаю^т.

аще бо бы ѿкрытѣ^а нѣ^м. всѣ^а зарѣ^а горѣ^а бы текла. нѣ^м ѡгне^а горѣ^а

текѣщъ сын. пѣ^е стѣ^е бы земаю оставлѣ^а

[22, с. 100].

Исследователь апокрифических текстов В. В. Мильков отмечает: «В данном случае Севериан воспроизводит утвердившееся в античной натурфилософии мнение, что весь свет по природе своей всегда идёт только вверх. Из его построений следует, что если бы не было тверди, отражающей лучи вниз, весь мир был бы погружен во мрак» [22, с. 88].

Пытаясь чётко дифференцировать понятия «видимое небо» / «высшее небо» и сделать их предельно понятными для читателя, Севериан Габальский сравнивает небесный свод с головой. Первое (высшее) небо в тексте памятника уподобляется невидимому для человека мозгу, а второе небо (твердь) вызывает ассоциации с доступным для зрения и расположенным над видимым языком нёбом (горизонтальной перегородкой, разделяющей полость рта с полостью носа):

посмотри ѱѡ главѣ свѡю и приложи є нѣо горнее• таже надъ языко^м
држгѡе нѣо• еже є^с твер^аь ... и паки гѡрѣ в неви^мыхъ• главныи съста^б
невиди^м а в долин^х язы^к види^м• тако^ж нѣо горнее в разѡмныи^х єсть• а
дѡланєє въ глѣмынѣхъ

[22, с. 100].

Описывая структуру небесного свода, Севериан Габальский приводит разные версии о
форме и составе неба:

створи^ж нѣо• не крѹглова^{то} тако^ж любом^арствѡ^т сжєслѡвци• не бо створи^и
є в' крѣ^г ва^алющєса• но такоже рє^ч прр^окѣ• створивыи нѣо тако кѡмарѡ^б
и прѡстерѣ є тако аже• нѣо никто^ж на^с єсть сице нечєстивѣ• тако
вѣрѡва^{тн} сѣсłowцє^м• иже глѡ^т тако на^чло и кѡнєць има^т нѣо

[22, с. 101].

Автор «Шести речей о мироздании» приходит к выводу о куполообразной (комарной)
форме неба первого дня творения и плоской форме небесной тверди. Он доказывает,
что небесные светила движутся по горизонтальной траектории и никогда не
перемещаются под Землёй. Рассуждения Севериана Габальского позволяют
рассматривать его взгляды в русле плоскостно-комарных космологических концепций,
известных древнерусским книжникам в XII–XVII вв.

По мнению исследователей апокрифических текстов, уже в домонгольскую эпоху на Руси
получили распространение геоцентрические идеи мироустройства. Основными
проводниками геоцентрического мировоззрения стали тексты одного из крупнейших
систематизаторов христианского догматического богословия VIII в. Иоанна Дамаскина.
Произведения Иоанна Дамаскина были переведены на старославянский язык в к. IX–н.
X в. Иоанном экзархом Болгарским и в XII в. пользовались популярностью у
древнерусских книжников.

В богословско-философском трактате «Источник знания», который в древнерусской
традиции был известен под названием «Богословие», истолковывается достаточно чётко
выстроенная геоцентрическая схема мироустройства и характеризуются все элементы
Вселенной. Особое место в тексте трактата отводится описанию надземного пространства
(глава «О небе»).

Иоанн Дамаскин подробно останавливается на разных трактовках понятия **небо** в тексте
Священного

Писания:

да поне^ж оубо нѣо рє^ч писанне и нѣо нѣ^сное• и нѣса нѣ^снага• и до
третиаго нѣси• бѣжныи павєлѣ всх^тивѣ рє^ч• глѣмь тако всєи твари бы^тю
нѣси творєнне приах^о• ємоу^ж внѣшнии мѹдри бєзъ звѣздъ крѣ^г рѣша•
монѣвага створиши сказанниа

[23, с. 61].

Крайней границей материальной сферы, доступной для человеческого восприятия, автор
«Богословия» считает второе небо или твердь. Систематизатор текстов Священного
писания приводит разные точки зрения на состав тверди небесной: она может быть
подобной дыму (**тѣнько яко дымѣ**), иметь структуру заледеневшей воды (**єтери же
водѣноую твѣрьдь**) либо состоять из особого вещества – эфира (**пятоую плѣть инакоу
разѣ четыре вещи**).

Однако помимо двух уровней небес Иоанн называет ещё одну сферу, расположенную
ниже небесной тверди и обозначаемую греческим термином «уранос»:

кєсть ж ѱѡ нѣо нѣ^сное• первое нѣо верхѹ сы твѣрьди• да то двѣ нѣси
и твердь бо рє бѣ нѣо• ѡбѣчено же бж^ствѣном писаннѹ и въздуха нѣо
нарекѡвати• им же зри^м горѣ• оуранѡсь бо сѣказаетъ єлиньски и горѣ
зрѣнне

[23, с. 65]. В

перевод с греческого языка Οὐρανός означает 'небо', но в греческой мифологии уранос представлял собой небесное пространство, заселённое богами.

В космологической концепции Иоанна Дамаскина Земля располагалась в центре мироздания на равноудалённом расстоянии от небесной сферы. В свою очередь, небесное пространство имело шарообразную форму (*объло есть небо*) и двигалось по кругу (*кругъмъ же глаголетъ небо грядеть*).

Наряду с толкованиями трёх видов небес в текстах Дамаскина можно обнаружить рассуждения о существовании семи поясов надземного пространства, на которых располагались планеты:

•З• поясъ мѣна^т нѣси• дрѹтъ дрѹга выши• глѣтъ ... ти на коемъжѣ^о
 поясъ единъ ѿ плани^т •З• плани^т рѣша быти• слѣнце• лѹнѹ• дню• ерміа
 ареа• афродити• и крона• афродитѣ же глѣють• иже ѿвог^а дѣйница•
 ѿвог^а же заходнѣ бывае^т

[23, с. 63]. Автор

трактата излагает собственную версию происхождения наименования *планета*. Как известно, греческое слово πλανήτης, буквально означающее 'блуждающая', образовано от глагола πλανῶμαι 'блуждать' [24, с. 78]. Иоанн Дамаскин утверждает, что небесные тела названы блуждающими из-за особенностей траектории их движения, противоположного движению неба:

плани^т же а зовѹ^т им же сѹпротив нѣси шестьє творѣт• нѣси бо и
 дрѹгнѣ звѣзда^а ѿ востока на запа^а грядѹщнѣ^а• ти единнѣ ѿ запада на
 всхо^а шествнѣ нмѹ^т

[23, с. 63].

Дошедшие до нас переводы трудов Иоанна Дамаскина не позволяют выстроить чёткую концепцию устройства небесного свода, характерную для философии этого христианского богослова. В разных разделах трактата «Источник знания» можно обнаружить рассуждения и о трёх (или четырёх) небесных сферах, и о семи поясах небесного пространства.

Уникальным памятником древнерусской средневековой книжности является «Палей Толковая», созданная древнерусским автором в XIII в. и дошедшая до нас в списках XIV–XVII вв. По мнению исследователей, «Палей» представляла собой древнейшую энциклопедию, в которой рассматривались проблемы устройства Вселенной, природы человека и границ его познания, а также толковались бытийные и исторические сюжеты Ветхого Завета. Автор памятника опирался на тексты Священного Писания, апокрифические произведения, труды Отцов Церкви и тексты христианской церковной литературы XI–XII вв. Исследователь апокрифических текстов В. В. Мильков отмечает: «Русский грамотник, вообще-то говоря, познавал библейскую историю не по Библии, а главным образом через «Палею», в которой каноническая стихия уравнивается поэзией отречённых книг» [25, с. 71]. Таким образом, анализ «Палеи Толковой» позволяет выявить особенности представлений об устройстве мира, характерные для сознания средневекового христианина.

Начало сотворения мира описывается в тексте памятника следующим образом:

бѣтъ прѣ^ж всѣхъ вѣ^к ни начала имѣа ни конца ꙗ^к бѣтъ силе^и• первое сътвори
 агглы своѣ дѹхи и слѣги своѣ ѿгнь палащѣ

[22, с. 168].

Автор подчёркивает, что ангелы появились в самом начале сотворения мира и поэтому они были очевидцами всех последующих актов творения. Именно упоминание об ангелах, представляющих собой начальное творение Бога и созданных вместе с небом небес, отличает текст «Палеи» от канонического библейского сюжета:

паже пребл҃гыи мл҃твыи б҃ѣ помысли сотворити инаго мира земна• тако велики монсїи начинае҃т гла в на҃лѣ сътвори б҃ѣ нѣбо и землю• въпрашаю же тебе жи҃ювине• почто монсїи аг҃лѣ не нача повѣдати• но протече единѣм҃ѣ словѣм҃ скоро мно҃жество вышних҃ си҃а но ѡ нѣси и земли начинае҃тъ

[22, с. 168].

Созданные в первый день творения высшее небо и ангелы представляют собой нематериальные сущности, непостижимые для человеческого восприятия. Единственная черта, которой они обладают – ослепительная светлость: то оубо нами не видимо е҃• просвѣтлоу҃тася па҃сїица [22, с. 173]. И ангелы, и небо небес интерпретируются текстом «Палеи толковой» как высшая реальность. Однако для автора Палеи, как и для любого христианского мыслителя, наивысшей безусловной духовной сущностью выступает Бог-Творец.

Ангелы способны повелевать природными явлениями и погодными условиями:

а҃г҃ли ѡблакѣм҃ а҃г҃ли мракѣм҃• а҃г҃ли градѣм҃ а҃г҃ли ледѣм҃• а҃г҃ли мьглам҃• а҃г҃ли голотѣм҃• а҃г҃ли ннью• а҃г҃ли мразоу҃• а҃г҃ли росам҃• а҃г҃ли гласѣм҃• а҃г҃ли мо҃нниам҃• а҃г҃ли громоу҃• а҃г҃ли зноєви• а҃г҃ли зимѣм҃• лѣтѣм҃ веснѣм҃ ѡсени• и всѣм҃ зданїем҃ его

[22, с. 175].

Ангельские сущности занимают промежуточное положение в небесной иерархии: с одной стороны они обладают нематериальной природой и приближены к Богу, а с другой – могут действовать в материальном мире, управляя стихиями и проявлениями погоды.

Ангельские силы имеют строго определённую иерархию и объединяются в группы и порядки – и вса чиноначалїа слѣжаще и трепещуще страшныа слѣвы лица г҃їа [22, с. 174].

Все субъекты ангельской иерархии выполняют волю Всевышнего и именуются в тексте Палеи **и служебными духами:**

сѣт же ѡбо слѣжебнии дїи на слоужбѣ посылаеми ... всѣм҃ зданїем҃ его [22, с. 175].

Опираясь на тексты апокрифов, автор «Палеи Толковой» противопоставляет лишённое физической материальности превышенное небо первого дня творения небесной тверди, созданной

и по семѣ ре҃ б҃ѣ да боудѣ҃т твердь• днѣ б҃ѣ• и авне съгоу҃стиса соста҃ ледовны аки хрѣсталь• того ради твердь наре҃ понеже ѿ житки҃х во҃а и сла҃ки҃х тѣ оутверди тако҃ бо ды҃а ѿ древа и ѡгнь исхода рѣтко и слабо• тако҃ востече на высоту҃• тако оубо во҃ное е҃ство житко и рѣтко сѣще• но б҃ѣ возне҃с и оутверди• и постави на горѣ҃• аки ледовидна сѣще

[22, с. 176].

В представленной космологической системе твердь символизирует границу, отделяющую материальный физический мир от высшего идеального мира. Продолжая идеи, изложенные в других апокрифических текстах, автор «Палеи Толковой» сравнивает твердь с перекрытием, разделяющим части здания: и си҃ же оубо твердь• на ню же взирающе е҃сме тако ле҃а и тако҃ и преграда посре҃м҃ полаты премощена бывае҃тъ

[22, с. 180]. При

этом в тексте указывается, что ледовая твердь не имеет опоры, а удерживается только силой Творца.

Ледовая твердь разделяет водную стихию на воды земные и воды небесные. В пространстве вод, расположенных под твердью, хоташе вл҃ка свѣтильники ты счинити и поставити ... сл҃нце҃ и л҃нѣ• и звѣзды мно҃жество бѣ҃численое

[22, с. 176].

Разлитые над твердью воды должны выступать вселенским охладителем и остужать жар светил, двигающихся в небесном пространстве: **и бесчеленыя ты воды тако излишествоую^т нб^еномъ т^блоу мокрота[•] яко^ж не токмо брань могу^т терпѣти ѿ теплоты нсходящыя ѿ множества свѣтиани^к• но ѿ избыточны мокроты роса^т на землю** [22, с. 177].

Автор памятника вступает в полемику со сторонниками идей геоцентризма и изображает пространство Земли плоским, а твердь неподвижной: **г^лють бо нѣцыи баснословцы• яко по^а землею тече^т с^лнце и луна с прочыми звѣздами• мнѣша крѣгловбра^тноу быти нѣоу• но писаніе же не тако ны оучи^т• но и томоу самомоу нѣоу никакѡ^ж движи^моу ѿ вѣсто^к къ запа^аоу ни крѣгловбрѣтенѣи бо быти тверди** [22, с. 202].

Смена дня и ночи объясняется круговыми движениями Солнца в горизонтальной плоскости. В течение дня светило обходит всё земное пространство, затем скрывается за туманами в северной части поверхности, а на Землю ложится ночная тень.

В тексте Палеи автор не соглашается и с теми мыслителями и богословами, которые проповедуют идею множественности небес, доказывая свою версию словами пророка Давида: **нѣса исповѣдають славоу б^жію** [22, с. 180]. Создатель палейного текста утверждает, что, во-первых, в данном контексте речь идёт об апостолах; во-вторых, в греческом и еврейском языках зачастую на месте форм единственного и двойственного числа можно встретить формы множественного числа (примером может служить обозначение города Афины). В «Палее Толковой» с опорой на тексты Священного Писания отрицается многоуровневая трактовка небесного свода: **сп^съ н^шъ своею бл^гт^ію ѿкрывае^т недовѣдомы^х во іева^гл^ин г^ла нѣо и земля мимо иде^т• а словеса моа не имоу^т прентти• и паки рече^т кто взыде^т на нѣо токмо шедыи** [22, с. 181].

Следует отметить, что отрицая наличие нескольких поясов надземного пространства, автор Палеи говорит прежде всего о структуре высшего неба (**неба небеси**).

В тексте «Палеи Толковой» можно обнаружить развитие идей Иоанна Дамаскина о существовании планет и плавающих звёзд, каждая из которых движется в собственном небесном поясе: **ѿ плани^т• еже пояси аерьстин• на а^а плани^тѣ звѣзда аерри^с• на в^в плани^тѣ звѣзда арми^с• на г^г плани^тѣ звѣзда зеве^с• на д^д плани^тѣ с^лнце• на е^е плани^тѣ звѣзда а^фродитъ ... на з^з плани^тѣ звѣзда кронъ на ѿ плани^тѣ луна** [22, с. 233].

Анализ текста «Палеи Толковой» позволяет утверждать, что автор был прекрасно знаком с произведениями сторонников разных космологических школ и на страницах Палеи он излагает идеи как плоскостно-комарной, так и геоцентрической трактовки мироустройства. Несмотря на неканоническую трактовку ряда библейских сюжетов и прямые отсылки к апокрифическим текстам, «Палея Толковая» всегда считалась книгой истинной и отождествлялась со Священным Писанием: «Русский грамотник познавал библейскую историю не по Библии, а главным образом через «Палею», в которой, по меткому выражению Н. С. Тихонравова, «каноническая стихия уравнивается поэзией отреченных книг» [25, с. 8].

Таким образом, первые представления о мироздании ограничивались познаниями древнего человека и охватывали прежде всего доступный взгляду обитаемый мир, заселённый людьми и прочими живыми существами. Наблюдения за воздушной сферой,

расположенной над обитаемым пространством, со временем привели к выводам о неоднородности атмосферы. Человек видел Солнце, Луну, звёзды и осознавал, что эти физические объекты располагаются на небе. Небесный свод конечен, имеет форму купола и соприкасается с земной поверхностью вдоль линии горизонта.

Распространение религиозного мировоззрения приводит к включению в модель мироустройства и представлений «другом» мире, неизведанном, внушающем страх и благоговейный трепет. Большинство космологических концепций размещают представителей идеального (невещественного) мира на возвышенностях или на небе.

Место обитания божеств не могло располагаться в одной плоскости с физическими объектами, хоть и удалёнными в пространстве, но доступными человеческому взору. Не случайно и в классических библейских текстах, и в текстах неканонических противопоставляются небо «сущее, не горнее, но видимое» и небо небесное, «не сущее, не видимое, но превышнее». Данное противопоставление кажется нам принципиально важным для реконструкции концепта «Небо» в религиозном сознании православных христиан.

В неканонических источниках нет однозначных трактовок облика воздушного пространства над земной поверхностью. В проанализированных нами памятниках небо 1) представляет собой плоскость, существующую параллельно земной поверхности; 2) описывается как купол, опирающийся на землю; 3) выглядит как сфера, не имеющая опоры и удерживаемая только силой божественного замысла; 4) имеет шарообразную форму и движется по кругу.

Фрагмент религиозной концептосферы X–XVII вв., связанный с представлениями о неоднородной структуре небесного свода, мог включать и метафорические образы из известных в Древней Руси апокрифических текстов. Примеры таких образов зафиксированы в произведении Севериана Габальского «Шесть речей о мироздании». Вселенная уподобляется постройке с двумя перекрытиями: высшее небо автор сравнивает с крышей строения, а видимое небо – с потолком. В том же памятнике проводится аналогия небесного свода с головой: небо небес приравнивается к невидимому для человека мозгу, а «сущее» небо отождествляется с доступным для зрения и расположенным над видимым языком небом.

Концепт «Небо» в сознании христиан Средневековья имел в своём составе и понятие о некой границе (перекрытии), разделяющей части небесного свода и изолирующей мир земной от мира небесного. Согласно библейским сюжетам, истолкованным и дополненным в апокрифах, «превышнее» небо вместе с ангелами появилось в первый день Творения. Во второй день Бог создал подобное перекрытию нижнее видимое небо, которое разделяло водную стихию на воды земные и воды небесные. Водные массы должны были защищать земное пространство от жара небесных светил и отражать свет небесных тел для освещения земной поверхности. По мнению средневековых авторов, пограничная субстанция имела структуру застывшей воды («сгущение ледно», «состав ледовный», «аки хрусталь», «от текущих вод отвердело»). Вербализаторами данных представлений выступали языковые единицы «твердь», «твердь небесная», «сгущение ледно». Характерно, что в некоторых текстах указанные единицы могли обозначать и первый уровень небесного свода, доступный человеческому восприятию. Следовательно, в древнерусской картине мира X–XVII вв., первый уровень неба мог выступать той самой «твёрдой» границей, которая отделяла материальный мир от высшего идеального мира.

Библиография

1. Старобългарски речник: в 2 т. Т.1 / Българска академия на науките; отг. ред. Д. Иванова-Мирчева. София: Изд-во «Валентин Траянов», 1999. 1028 с.
2. Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) : ок. 10 000 слов / под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М.: Рус. яз., 1994. 842 с.
3. Супрасльская рукопись / трудъ С. Северьянова // Памятники старославянского языка. Т. II. Вып. 1. СПб.: Тип. Императорской акад. наук, 1904. 570 с.
4. Мариинское четвероевангелие / Памятник глаголической письменности / трудъ И. В. Ягича. СПб.: Тип. Императорской акад. наук, 1883. 607 с.
5. Полный церковнославянский словарь (с внесением в него важнейших древнерусских слов и выражений): в 2 т. / сост. священник магистр Г. Дьяченко. М.: ТЕРРА–Книжный клуб, 1998.
6. Сорокин, А. Твердь небесная помогает нам провести твердую границу между добром и злом / А. Сорокин // Град Петров. Радио Санкт-Петербургской митрополии URL: <https://www.grad-petrov.ru/broadcast/tverd-nebesnaya-pomogaet-nam-proves/>
7. Посыпкин, Р. Почему небо – это твердь? / Р. Посыпкин // Журнал «Фома». 11.11.2019. URL: <https://foma.ru/pochemu-nebo-eto-tverd.html>
8. Чурилина, Л. Н. Современный православный дискурс: проблемы лексикографического представления / Л. Н. Чурилина // Проблемы истории, филологии, культуры. 2009. № 2 (24). С. 377-383
9. Чурилина, Л. Н. Заимствованная метафорика на начальном этапе формирования русской православной концептосферы / Л. Н. Чурилина // Формирование концептосферы восточнославянского этноса на ранних этапах становления государственности: колл. монография / гл. ред. С. Г. Шулежкова. М.: Флинта: Наука, 2013. С. 175-186.
10. Старобългарски речник: в 2 т. Т.2 / Българска академия на науките; отг. ред. Д. Иванова-Мирчева. София: Изд-во «Валентин Траянов», 2009. 1327 с.
11. Словарь старославянского языка. Репринт. изд.: в 4 т. Т. 4. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2006. 1054 с.
12. Фразеологический словарь старославянского языка / под ред. С. Г. Шулежковой. М.: Флинта: Наука, 2011. 424 с.
13. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. Т. 4. М.: Рус. яз., 1991. 704 с.
14. Толковый словарь русского языка: в 4 т. Т. 4 / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1940. 1502 стб.
15. Фразеологический словарь русского литературного языка / сост. А. И. Фёдоров. Новосибирск: Наука, 1995. 780 с.
16. Фразеологический словарь русского языка. В 2 т. Т. 2 / сост. А. Н. Тихонов. М.: Наука, 2004. 832 с.
17. Что такое Небо и Царство Небесное. О небе и небесах // Правмир. URL: <https://www.pravmir.ru/nebo/>
18. Большой фразеологический словарь старославянского языка / под ред. С. Г. Шулежковой. Т. 1. М.: Флинта, 2020. 552 с.
19. Большой фразеологический словарь старославянского языка / под ред. С. Г. Шулежковой. Т. 4. М.: Флинта, 2024. 680 с.
20. Существуют ли различные уровни небес? // Библия Онлайн. URL: <https://only.bible/qa/327-levels-heaven/>
21. Мильков, В. В. Древнерусские апокрифы. Памятники древнерусской мысли: исследования и тексты. Вып. I. / В. В. Мильков. СПб.: Изд-во Русского христианского гуманитарного института, 1999. 893 с.
22. Космологические произведения в книжности Древней Руси: в 2 Ч. Ч. 2. Тексты

плоскостно-комарной и других космологических традиций / под ред. В. В. Милькова, С. М. Полянского. СПб: Издательский дом «Миръ», 2009. 624 с.

23. Космологические произведения в книжности Древней Руси: в 2 ч. Ч. 1. Тексты геоцентрической традиции / под ред В. В. Милькова, С. М. Полянского. СПб: Издательский дом «Миръ», 2008. 650 с.

24. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 3 / М. Фасмер. Пер.с нем. и доп. О. Н. Трубачёва. 3-е изд. СПб.: Терра-Азбука, 1996. 833 с.

25. Мильков, В. В. Картина мира в Палее Толковой / В. В. Мильков. // Вестник славянских культур. 2016. Т. 41. № 3. С. 7–23.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье предметом исследования выступает концепт «небо» в картине мира православного христианина X–XVII вв. Актуальность работы не вызывает сомнения и обусловлена, во-первых, повышенным интересом ученых к лингвистической концептологии, в т. ч. к религиозной концептосфере и репрезентирующей ее лексике (концепт исследуется как элемент лингвокультурологии или культурологии, национальной языковой картины мира и религиозной картины мироздания); во-вторых, местом концепта «небо» в картине мира православного христианина («одним из ментальных образований, характерных как для наивной, так и для религиозной картин мира, являются представления об устройстве мира и о месте человека в глобальной структуре Вселенной»).

Теоретической основой работы выступили труды таких российских исследователей, как В. В. Мильков, С. М. Полянский, Л. Н. Чурилина, Р. Посыпкин, А. Сорокин и др. Библиография статьи насчитывает 25 источников, в том числе 12 – лексикографических (Словари старославянского языка, Фразеологические словари старославянского языка, русского литературного языка, Этимологический словарь русского языка М. Фасмера, Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля и др.). В целом, библиография соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах рукописи. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. Однако автор(ы) совсем не апеллируют к актуальным научным работам, изданным в последние 3 года, что не позволяет судить о реальной степени изученности данной проблемы в современном научном сообществе. Также считаем, что обращение к фундаментальным трудам по лингвистической концептологии (В. И. Карасика, Ю. С. Степанова, И. А. Стерина, З. Д. Поповой, Г. Г. Слышкина и др.), несомненно, усилило бы теоретическую базу работы. Эмпирическим материалом послужили канонические и апокрифические тексты. Методология исследования определена поставленной целью и носит комплексный характер: использованы общенаучные методы анализа и синтеза, описательный метод, включающий наблюдение, обобщение, интерпретацию, классификацию материала, контекстуально-интерпретационный метод, метод социокультурного и дискурсивного анализа и др.

Анализ теоретического материала и его практическое обоснование позволили сформулировать ряд выводов относительно представлений о строении небесного свода в картине мира православного христианина X–XVII вв. Автор(ы) замечают, что «место обитания божеств не могло располагаться в одной плоскости с физическими объектами, хоть и удалёнными в пространстве, но доступными человеческому взору. Не случайно и

в классических библейских текстах, и в текстах неканонических противопоставляются небо «сущее, не горнее, но видимое» и небо небесное, «не сущее, не видимое, но превышнее».

Теоретическая значимость исследования связана с определенным вкладом его результатов в развитие теории концептуального анализа; религиозной концептосферы; религиозного дискурса. Практическая значимость заключается в возможности использования ее результатов в вузовских курсах по лексической семантике, лингвоконцептологии, лингвокультурологии, дискурсивной лингвистике и лексикографии. Данная работа, безусловно, будет полезна научному сообществу в дальнейших исследованиях религиозной концептосферы и религиозной картины мира.

Представленный в рукописи материал имеет четкую, логически выстроенную структуру. Стил изложения отвечает требованиям научного описания, содержание рукописи соответствует названию, логика четкая. Все замечания носят рекомендательный характер. Рукопись имеет завершенный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».